

СВОБОДА ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

РАЗДЕЛ 2.

СВОБОДА ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ В РОССИИ: ПРАВОВЫЕ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ЖУРНАЛИСТ И ИНФОРМАЦИЯ: ПРАВОВЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Александр Ратинов,
Фонд защиты гласности

Надо совершенствовать информационное законодательство

Я хотел бы остановиться на некоторых проблемных ситуациях, возникающих в деятельности СМИ и порождающих юридические ошибки и нарушения как со стороны журналистов, так и со стороны контролирующих, правоохранительных и судебных органов. Ограничусь только очевидными пробелами и несуразностями законодательства, регулирующего деятельность и ответственность СМИ.

Центральной проблемой, от решения которой зависит судьба дела и ответственность публикатора, является постоянно дискутируемый вопрос о различении факта и мнения в текстах средств массовой информации. От правильного определения информационной природы опубликованного или переданного в эфир материала зависит его юридическая оценка, квалификация и правовые последствия для редакции или автора.

Имеющаяся на этот счет рекомендация отдельных авторов и состоявшиеся судебные решения не внесли необходимой ясности в этот вопрос. Как известно, Конституционный суд РФ по жалобе А. Козырева не нашел возможным высказаться по данному поводу, сочтя это обязанностью Пленума Верховного суда РФ. Однако никаких разъяснений с его стороны до сих пор не последовало.

Сама постановка вопроса о разведении факта и мнения представляется некорректной. Различать следует не факт и мнение, а события и оценки. Само понятие факта весьма многозначно и употребляется в словесном обиходе довольно беспорядочно.

Строго говоря, факт – это знание о чем–либо, достоверность которого доказана. В текстах СМИ мы прежде всего имеем дело не с фактами, а с сообщениями, известиями, высказываниями о каком–либо событии, явлении, предмете. Но это еще не факт, а лишь "строительный материал" для него или "фактообразующая" (фактуальная) информация, последующая проверка которой либо создает факт (истинное знание о чем–то), либо информация отвергается как недостоверная, ложная.

Но в материалах СМИ содержится также информация иного рода. Это – мнения, оценки, интерпретации, которые по своей природе недоступны непосредственной проверке (верификации) путем сопоставления с действительностью или доказыванию посредством свидетельств и документов.

Это – так называемая оценочная информация. Ее содержание вообще не способно образовать факта. Хотя фактом может быть публичное выступление или публикация, подтвержденные надлежащим образом.

Закон "О СМИ" (ст. 43) и Гражданский Кодекс РФ (ст. 152) говорят об ответственности за

распространение сведений, не соответствующих действительности, однако понятие "сведения" может иметь двоякий смысл.

Сведения как сообщения о каком–либо событии, процессе, явлении, происшедшем в прошлом или происходящем в настоящее время, в конкретных условиях места и времени, могут быть или истинными, или ложными (истина всегда конкретна). Такая фактуальная, событийная информация либо соответствует, либо не соответствует действительности. За это несоответствие публикатор несет ответственность.

Иначе обстоит дело с оценочной информацией. Выраженные в ней мнения, оценки, убеждения, также как идеологии, теории, концепции, гипотезы, программы, планы, прогнозы и пр., по своей сущности не могут быть истинными или ложными, не могут соответствовать или не соответствовать действительности. Они могут быть ценными или вредными, правильными или неправильными, обоснованными или необоснованными, убедительными или спорными, прогрессивными или реакционными и т. п.

За высказанные идеи и мнения, оценочные суждения публикатор не несет ответственности, ибо по Конституции РФ каждый имеет право на свободу самовыражения, на свободу мнений и убеждений, за исключением случаев, когда их распространение прямо запрещено законом (см. ст. 4 Закона "О СМИ").

Поэтому идеи, мнения, оценки не могут быть опровергнуты по решению суда как не соответствующие действительности. Они оспариваются в порядке полемики, то есть ответа (реплики, комментария) в том же средстве массовой информации, как это предусмотрено ст. 46 Закона "О СМИ".

На практике же по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации нередко происходит подмена предмета спора. Суды, вместо возложения на СМИ обязанности опубликовать ответ истца, обязывают опровергнуть высказанные оценки и мнения, выплатив компенсацию за моральный вред.

Поэтому многочисленные дела по искам общественных деятелей и организаций, обиженных оценкой исповедуемых ими взглядов как фашистских, принципиально неверно разрешены судами в пользу истцов.

Мы полагаем, что иски о защите чести и достоинства лиц, названных фашистами (равно как коммунистами, анархистами, монархистами и пр.) и требования об опровержении высказанных в СМИ критических оценок той или иной идеологии либо политики, не подлежат удовлетворению и может быть вообще не должны приниматься к судебному рассмотрению. Ибо таким путем ограничивается свобода слова, критики, свобода политических дискуссий и средств массовой информации, что противоречит Конституции РФ и международно–правовым актам.

Описание события и изложение мнений в текстах чаще всего бывают слитны, взаимосвязаны, на первый взгляд, неразличимы. Поэтому дифференциация фактуальной и оценочной информации в некоторых случаях – дело очень непростое, требует квалифицированного анализа и надлежащей подготовки. Методика такого "текстологического" анализа нуждается в специальной разработке.

Фонд защиты гласности готовит по этой проблеме методические рекомендации и специальную публикацию на тему "Унижение чести и достоинства, оскорбление и ненормативность в текстах права и средств массовой информации".

Хочу далее поставить еще некоторые вопросы того же порядка. Один из них – вопрос об ответственности публикатора за воспроизведение документов, высказываний или их

фрагментов противоправного содержания.

В общем виде этот вопрос решается Законом "О СМИ". В ст.57 дается перечень случаев освобождения от ответственности публикатора по сугубо формальным признакам: если сведения присутствуют в официальных сообщениях или получены в ответ на запрос информации, или поступили от информационных агентств и пресс-служб, содержатся в авторских произведениях, не подлежащих редактированию, либо являются дословным воспроизведением фрагментов официальных выступлений депутатов, делегатов съездов и конференций, общественных объединений и официальных выступлений должностных лиц, или, наконец, дословным воспроизведением материалов других СМИ, ответственных за соответствующее нарушение законодательства.

По этим формальным признакам в указанных случаях вопрос об ответственности за воспроизведение или цитирование снимается вроде бы в бесспорном порядке. На деле же все не так просто. Здесь нас ожидает не одна контраверза.

А что если депутат, делегат, должностное лицо высказывается в неформальной обстановке, а его заявления имеют общественную значимость?

Во всех ли случаях возможно так называемое дословное воспроизведение? Возможно ли без искажения смысла дословное воспроизведение при переводе и использовании иноязычного текста?

Нарушается ли требование "дословности" при передаче прямой речи в косвенной форме?

Вообще всегда ли можно дословно воспроизвести устную речь письменно? Является ли нарушением требования "дословности" опускание некоторых слов в цитируемом фрагменте с заменой опущенных слов многоточием?

При решении этих вопросов мы вынуждены прийти к выводу о том, что формулировка закона "о дословном воспроизведении" должна быть заменена требованием сохранения смысла воспроизводимого материала. Заметим, что даже свидетельские показания подлежат фиксации в протоколе допроса "по возможности дословно" (ст. 160 УПК РСФСР).

Связан с предыдущими и вопрос о правомерности воспроизведения газетой взглядов и идей противоправного характера.

На наш взгляд, определяющим является отношение публикатора к воспроизводимым или цитируемым материалам. Иными словами, как подается и как используется материал противоправного содержания. Это усматривается из общего контекста всей публикации, при анализе которой нельзя отождествлять автора и героя, необходимо различать позицию или взгляды журналиста и идейное содержание цитируемого источника.

Здесь возможны два варианта. В одном из них одиозный материал используется для популяризации содержащихся в нем взглядов и идей, он подается как заслуживающий поддержки и доверия. Публикатор солидарен с источником, в любой форме выражает ему одобрение (используя языковые средства, журналистский комментарий, редакционное примечание, графические изображения и т.п.). Молчание тоже может означать согласие.

В этих случаях со стороны журналиста редакции, солидарных с источником, имеет место злоупотребление свободой массовой информации (за точность воспроизведения публикатор несет ответственность во всех случаях, но с учетом сказанного по поводу

предыдущего вопроса).

В другом варианте материал подается в порядке информации об общественно значимом событии, факте, каковым является и о чем свидетельствует цитируемый документ или воспроизводимое высказывание. При этом публикатор в любой форме дает понять или прямо выражает свое несогласие с высказанными положениями, отвергает, осуждает, дезавуирует их, дискредитирует их авторов. В этих случаях ответственность за воспроизведение одиозных материалов должна быть исключена.

Я назвал несколько проблемных ситуаций, возникающих на нашей правовой почве, для которых необходимы судебные разъяснения и желательно, чтобы этим обеспокоилась и Судебная палата по информационным спорам, и, может быть, мы когда-нибудь заставим Верховный суд дать руководящие разъяснения.